

ОБСУЖДАЕМ ОБЩЕСТВО

УДК 316.7+316.334.52

ЛОКАЛИЗМ И КУЛЬТУРОЦЕНТРИЧНОСТЬ В ПЕРЕХОДНОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А.А. Шпак, Е.В. Головацкий
Кемеровский государственный университет

politsocio@kemsu.ru

В этой статье характеризуются идеи, выдвигаемые авторами на основе социологического анализа локализма и культуроцентричности в условиях переходного общества. Авторы раскрывают противоречивость процессов локализации, дают социологическую трактовку культуроцентризма, предлагают критерии для разработки эндогенной модели локализма. В структуре гипотетической модели выделены целенаправленные парадигмальные основания, дифференцированное онтологическое содержание, отличительные признаки локальности, гибридные формы развития локального в соотнесении с социетальным.

Ключевые слова: локализм, культуроцентричность, динамика социокультурная, подход социокультурный, общество переходное, ресурсы.

Концентрация внимания на факторном воздействии культуры и на культурных последствиях социального и политического развития составляет суть культуроцентризма. Между социальными и политическими процессами, отражающими функционирование общества (как относительно стабильного момента в изменениях), и сдвигами в общественных состояниях, структурах и взаимодействиях, характерных для развития, в социологическом познании фиксируется глубинный социокультурный механизм, регулирующий и направляющий эти процессы.

Принципиальные отличия социологической трактовки культуроцентризма от

культурологической, историко-культурной, экономической, политологической и др. трактовок заключаются в следующем:

- культуроцентризм связан с социальной реальностью;
- тяготение политических и социальных процессов к культуре, ее глубинным основаниям возможно при укорененности социокультурных связей и отношений, наличии устойчивого ядра национальной культуры;
- культуроцентризм может существовать наряду с этноцентризмом, экономикоцентризмом в обществе с устойчивым системным взаимодействием людей;

• культуроцентризм не сводится к культурной политике, как это нередко представляется в публикациях, но и не отделен от нее китайской стеной.

Социокультурная динамика означает заметные изменения в характере отношений и взаимодействий в обществе, приводящие к сдвигам в развитии социальных систем и культуры. Динамичные социокультурные изменения отличаются ускорением общественных процессов, наличием инновационных вторжений, разрушающих мерный ход повседневной жизни, появлением так называемых «точек роста», доминированием трансформационных признаков.

Концептуально-методологические основы научного осмысления социокультурной динамики, на наш взгляд, разработаны в историко-социологическом ключе Н.Я. Данилевским (цивилизационный подход), П.А. Сорокиным (интегрально-социологический подход), В.М. Хвостовым и др. неокантианцами (феноменологический подход).

Из современных отечественных социологов мы видим обоснованные теоретико-методологические подходы к изучению социокультурной динамики, трансформационных изменений в работах А.С. Ахиезера (социолого-культурологический подход), С.И. Григорьева (виталистский культуроцентризм), Н.С. Злобина (деятельностный подход), Т.И. Заславской (деятельностно-структурный подход), А. Г. Здравомыслова (конфликтологический подход), В.В. Козловского (конвенциональный социологический подход), Л.Н. Когана (философско-социологический), М.В. Курбатовой, С.Н. Левина, С.Г. Кириной (институциональный подход), Н.И. Лапина (социокультурный подход), В.В. Радаева, Ж.Т. Тощенко (аспект парадоксальности и кентав-

ризма применительно к реальному поведению, сознанию, реальным отношениям) и др. Культуроцентристский подход наиболее последовательно реализуется в работах И.К. Джерелиевской.

Сегодня в отдельных публикациях различные трактовки переходного состояния и тенденций развития общества объединяются под общим грифом социокультурного подхода, если есть намеки на культуру как объект исследования. Научный подход имеет границы, но пространство его применения может оказаться размытым. Возможно, поэтому в публикациях идет своеобразная переключка идей и конкретных характеристик инновационных процессов в политике, культуре, социальных отношениях¹.

Н.И. Лапин в начале 2000-х («нулевых») годов дал обоснование социокультурному подходу². Он выдвинул тезис о единстве культуры (как способах и результатах деятельности человека) и социальности (как отношений социальных субъектов)³. Развернуто обосновывая принципы, перечень которых по странному совпадению дословно дан в публикации С. Храпова тоже в 2000 г., автор подчеркивает принципиальную не-

¹ Например, А.С. Храпов, к сожалению, не ссылаясь на Н.И. Лапина, завершает одну из своих статей 2000 года утверждением, что лично он базирует данный подход на следующих принципах: активности человека; взаимопроникновения культуры и социальности; антропосоциетального соответствия; социокультурного баланса (равновесия); симметрии и взаимобратимости социальных процессов. Храпов С. Трансформация сознания российского общества в контексте его социокультурной динамики // Власть. – 2000. – № 9. – С. 50–52.

² Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. – 2000. – № 6. – С. 3–17.

³ Лапин Н. И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. 3. – № 3. – С. 32–39.

сводимость и невыводимость культуры и социальности между собой. Принцип антропосоциального соответствия Н.И. Лапин понимает как «совместимость личностно-поведенческих характеристик человека и социальных характеристик этого общества». В концептуальной трактовке общество предстает как «большая самодостаточная социокультурная система» – результат взаимодействия активного, деятельного человека, включенного в социальные процессы традиционного или либерального типа.

Принципы социокультурного подхода получили убедительное обоснование в публикациях Н.И. Лапина. Но проблема оптимизации социокультурных трансформаций на разных уровнях социальной организации им не ставится даже постановочно. Это исследовательская ниша. Он делает акцент на уровень всего общества, отсекая социокультурный потенциал микрообществ, локализацию изменений в конкретной микросреде.

Исторически процесс дескриптивной институционализации приводил к установлению таких связей, отношений, правил, которые были построены на формализации, например, на принципе равенства всех перед законом, необязательности прямых контактов между людьми, пресечении доминирования кровнородственных интересов при выполнении социально востребованных официальных функций.

А.С. Ахиезер отмечает, что исторически большое общество вышло из традиционной цивилизации и устремилось к либеральной, но при неадекватной культурной базе, навязываемой большому обществу со стороны культур локального мира, большое общество получило в интеграционных процессах барьеры традиционализма, тормозящие общее развитие. Расколо-

тое общество не способно органично вписать ценности локального мира в социально значимую канву жизни.

Мы находим в публикациях А.С. Ахиезера понятие антимадиации, в основу которого данный автор вводит сочетание традиционализма и утилитаризма в стремлении человека искать выход из осложненных ситуаций не в погружении в срединную культуру, а в смутно различимых откатах сознания и поведения к разрушительным аналогам далекого исторического прошлого. Из этой гремящей смеси всплывают облики дикости, разнузданной разрушительной силы, пещерного похода на инакомыслящих. Добавим: появляется человек-зверь.

А.С. Ахиезер рассматривает интеграцию как функциональное и структурное, культурное и организационное единство общества, требующее развития ответственности за его целостность. К числу социальных интеграторов он относит те институты, которые поддерживают и воспроизводят ценности и отношения культурной жизни всего общества, отдельных сообществ, индивидов, предотвращают внешние дезинтеграционные давления и «опасные переходы через пороги дезинтеграции» внутри общества. Интегративную функцию выполняет культура, но ее роль предлагается рассматривать в зависимости от типа общества. В традиционном обществе через культуру насаждается «одномыслие», запрет на обновление, уравнительность, унификация, монологический режим взаимодействия власти и населения⁴.

А.С. Ахиезер приписывает локализму некоторые смертные грехи. Главное – локализм абсолютизирует роль и власть локальных сообществ в ущерб целому. Например, якобы до абсолюта доводится «разукрупне-

⁴ Ахиезер А.С. Россия как большое общество // Вопросы философии. 1993. – № 1. – С. 5–6.

ние власти», ценность децентрализации, разделение труда, опора на замкнутую самобытность и идентичность. В развернутой характеристике локализма А.С. Ахизер все же отмечает противоречивость факторного воздействия локализма в обществах доэкономической цивилизации и промежуточной, связанной с продвижением либерализации от ранней стадии к развитым формам. Политические последствия локализма представляются автору, в основном, разрушительными. Деревенские общины, предприятия, производственные и другие бригады, управленческий аппарат региональных органов власти, ведомств оказывают дестабилизирующее влияние на общие социальные связи и отношения.

Заметим, что, отстаивая либеральный взгляд на локализм, А. С. Ахизер доводит до абсурда дуальную оппозицию локализма и глобализма, абсолютизируя грехи локализма. Силы локализма при их абсолютизации смыкаются с бюрократическими силами и с уголовным миром. Бюрократия распадается на «местнические и ведомственные группы», в расколотом обществе это ведет, как пишет автор, к формированию криминальной мафии, распространению коррупционизма. Никакой управленческий профессионализм не станет социальным интегратором для бюрократии, сползающей к локализму.

На наш взгляд, между глобализацией и локализацией есть множество исторических и социальных ступенек, переходов, удерживающих эти процессы на определенных уровнях. Региональные процессы социального и политического развития имеют тенденцию «стягивания» к культуре населения и социокультурному потенциалу поселенческих образований. В социологи-

ческих исследованиях это диагностируется по нескольким критериям:

- Степень сбалансированности социального и политического развития с помощью социокультурных регуляторов.
- Характер социокультурных взаимодействий в жизненно важных процессах.
- Использование традиционных социокультурных регуляторов в преодолении внутрирегиональной и межрегиональной асимметрии, административно-управленческих и других барьеров в социальном и политическом развитии.
- Соблюдение адаптивной нормы и меры в освоении населением приоритетных политических и социальных нововведений.
- Использование социокультурного потенциала территорий, населения.
- Востребованность социокультурного потенциала в социальных и политических практиках населения, включая гражданские инициативы и политическое участие рядовых жителей региона.

Н.Е. Покровский, рассматривая глобализационный сценарий развития российского общества, отмечает неминуемое распространение в России масштабных трансформационных процессов, несмотря на стремление значительной части общества к сохранению «инаковости» и «ориентацию на ретроспективную традиционность и великие достижения великой империи, скрывшейся в истории»⁵. Для сохранения самобытности и удовлетворения тяги значительного числа россиян к традиционным ценностям предлагается создание различных форм консервации значимого тради-

⁵ Покровский Н.Е. Россия и трансформационные процессы в современном мире [Доклад на втором всероссийском социологическом конгрессе]. Режим доступа: <http://lib/socio.msu.ru/library?e=d-000-00---0magaz---0-0-0prompt-10---4-----0-...>

ционного, архивирование культурного наследия (например, формирование депозитариев памятников и документов культуры), стимулирование микроорганизаций, групп и движений по интересам, чтобы «живые активности», приверженцы традиционных ценностей имели свои коммуникации. Другим средством смягчения факторного, хотя и непрямого, а опосредованного, воздействия глобализации на низовой уровень общественной жизни Н. Покровский считает гибридные формы культуры, придавая этим формам негативный оттенок⁶. Он видит неизбежность «странного мира глобализации» для России, и на промежуточном историческом этапе «на авансцене трансформирующегося социума» будут доминировать культурные гибриды. Для традиционных ценностей автор находит на перспективу место в субкультурах, замкнутых, сверхлокализованных сообществах.

Наше утверждение: локализация порождает собственный «странный мир», имеющий очерченные границы, зафиксированные в социокультурной памяти населения, в народных коммуникациях. Социальная культура исторически дифференцирована так, что в ней уживаются и следы прошлого, и наметки будущего. Новое и традиционное не только вытесняют друг друга, но и дополняют. Глобализация глухим эхом отзывается в провинции. Здесь неприимимого «западника» не поймут, «инаковость», самобытность ближе к массовому сознанию, чем безоглядая устремленность в «странный мир» глобализации.

Повседневная жизнь идет заведенным порядком, мерная поступь социальных субъектов во многом регулируется ритмами природы и состоянием окружающей сре-

ды обитания, регламентируется неизбежными к исполнению общегосударственными и региональными правовыми «предписаниями», неписаными правилами сосуществования. «Большое общество», в основном, знает меру и сферу дискриминационных проявлений. В ответ на наступательно-демонстративное поведение представителей неодобряемого варианта взаимодействий и поведения вполне могут сработать санкции прямого действия, т. е. нравы, ценностные ориентации бытовой культуры: притеснения, «выдавливание» смельчаков в занятую ими нишу жизни. Кроме того, может быть столкновение разных локализованных мини-обществ и их культур, закрепленных в повседневном образе жизни.

Своеобразным «волнорезом», имеющим профилактическое назначение, может быть набор табу, предупреждающий резкие столкновения, расправы. В роли «разводящего» могут выступать представители власти, старейшины, признанные обществом авторитетные люди, почитаемые в мирской среде священнослужители.

Если исходить из оппозиции локального и социетального (мира, уровня, процессов, структур и т. д.), то едва ли можно ограничиваться социокультурным равновесием и симметрией социальных процессов. Порою именно кентавр-проблемы (Ж. Тощенко), соединение несоединимого провоцируют динамичные сдвиги в социальной и политической практике. Интерпретации помогают сопоставить объекты, но не оптимизировать их расстановку в процессах повседневной жизни. Разнообразие форм взаимодействий, инновационные вторжения рассекают на функциональные фрагменты многие политические и социокультурные монолиты даже на социетальном уровне, предполагающем сохранение целостности. Локальные процессы

⁶ Покровский Н.Е. Россия и трансформационные процессы в современном мире... – Там же.

порождают мелкоочаговое размещение взаимодействий на основе актуального социокультурного потенциала, «свернутую целостность», сегментацию «инаковости». На локализованных фрагментах общего социального и политического пространства возникают собственные отграничения, позволяющие распознавать свое и не свое, происходят изменения в расстановке местных социальных сил и распределении ресурсов.

Социетальные вершины власти могут жить, не реагируя каждодневно на микро-социальные изменения в культуре людей, их настроениях, в облике малых поселенческих образований. Кумулятивность и диффузность общественной жизни проявляются во взаимодействиях людей, их мобильности, в доступе к механизму (или отдельным его рычагам) социального наследования. В итоге появляется асимметричность, баланс сил и отношений нарушается или разрушается, новое прорывается с локального уровня на региональный (мезоуровень), а затем и на социетальный уровень.

Локальные проблемы заявляют о себе, их начинают срочно пакетировать, изучать, артикулировать в публичной политике и «гасить», предваряя острые вспышки протеста. Люди умиротворяются, принимают уступки со стороны «большого общества» и официальной власти, недоверие не исчезает полностью, но готовность «стоять до упора» постепенно вытесняется. Своевременное решение наиболее острых социальных проблем местного уровня смягчает обстановку на социетальном уровне, позволяет регионам вести дифференцированное управление социальным развитием территории, используя принципы обратной связи, оптимальности, справедливости, конкретности и эффективности в их взаимосвязи.

Следуя концепции трансформации, разработанной Т.И. Заславской, Н.Е. Тихоновой и др., можно согласиться, что социокультурная динамика нередко зависит не только от элитных, но и широких массовых явлений и процессов, от установок, интересов и поведения рядовых граждан, «простого» населения страны. Примитивизация социокультурных норм, общее падение нравов – прямых регуляторов повседневной жизни – постигло российское общество в «лихие» 1990-е гг., как стихийное бедствие. Следы вакханалии и бесноватости от вседозволенности все еще остаются. И это не относится к социально признанной и одобряемой локализации жизни, сопровождающей инновационные процессы на социетальном уровне. Обновление жизни может являться масштабным, но не бывает фронтальным, тотально-унифицированным.

Антиобразцы поведения и сознания культивировались, демонстрировались, укоренялись в социальных и политических взаимодействиях. Итог – бесчувственное отношение многих к чужой судьбе и беде, дезадаптация подрастающего поколения, снижение ценности и самооценности жизни, снисходительное отношение к нетрудовой морали и нарушениям правопорядка и т. д. Противодействие им шло по линии динамичной части «традиционалистов» и со стороны демократически настроенных сторонников реформ, озабоченных агрессивным натиском антикультуры, несоответствием реальности схемам демократизации общества.

Очевидно, что в каждом обществе переходного типа происходит трансформация ценностей. На отношение к ценностям влияет событийность жизни. Стихийное распространение имеют негативные настроения: упадничество, мировая скорбь, уныние и неверие во все. Такого рода на-

строения характерны для кризисных периодов.

В ценностных ориентациях (ЦО) выражены несколько существенных моментов взаимодействия людей:

- наличие ценностных альтернатив;
- достаточный диапазон ценностей разного уровня и различной степени отдаленности и/или приближенности их к субъекту;
- возможность выбора;
- устойчивость предпочтений;
- свободная ориентировка в «пространстве ценностей», т. е. понимание регулятивных, гедонистических и других функций ценностей, их смысловой наполненности и символического значения, способность оценить степень традиционности и новизны ценностей, масштабы их солидаризирующих возможностей.

Н.И. Лапин смягченно характеризует социокультурные и иные последствия российских ультралиберальных реформ 1990-х гг. По исследованиям Н.И. Лапина и его соратников в 1990-е гг. либерализация ценностей проходила противоречиво, но с сохранением всей базовой системы ценностей. Среди доминирующих ценностей были власть (как влияние на других, но фактически – как самовластие), свобода (ради успеха, признания, но исходное – вседозволенность ради обогащения). Носителями этих своеобразных кентавристических тенденций в сознании и поведении были «простые» люди. Ценили власть чаще всего мужчины (15–19 и 45–54 года), чем женщины. Это были люди без законченного среднего и высшего образования, «проживающие преимущественно в рабочих поселках, малых и средних городах»⁷. Автор отмечает замедленный темп социо-

культурных трансформаций в условиях, когда «дорвавшиеся» до свободы люди сами топчут либеральную почву, утверждая новую вольницу, обнаруживают гражданскую культуру подданнического типа, олицетворяющего власть. «Верхи» господствуют в роли могущественной силы, а «низы» утверждают свою активность за счет вседозволенности. Свобода стала ассоциироваться в сознании людей с вседозволенностью, всевластием грубой силы.

Действительно, законы нового поколения криминальных «беспредельщиков» стали нормой жизни значительного числа простых людей, внушали страх и ужас, тревожные ожидания. Сдвиг в культуре общества, вызванный резким обеднением, общим падением нравов, крушением политического режима и привычных устоев повседневной жизни, породил иную исходную позицию общества. Базовая нормативно-ценностная система была распатана, подготовлена к разрушению. Были превращены в «рутаательства» такие еще досоветские ценности, как товарищество, патриотизм, гуманизм, взаимопомощь, интернационализм и т. д. Пришлось заново формировать в сознании людей уважительное отношение к социальной культуре многих поколений, выстраивать базовую нормативно-ценностную систему гибридного типа, включая в нее ряд новых ценностей (личный успех, карьерный рост, здоровый образ жизни, социальная ориентация бизнеса и предпринимательства, социальная ответственность, свобода, личное достоинство и т. д.). Мы убеждаемся, что социокультурная динамика может означать резкие, лавинные схождения вниз, и не следует утверждать, что социокультурная динамика имеет полное соответствие с социальными трансформациями общества.

⁷ Лапин Н. И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. 3. – № 3. – С. 37–38.

Общество лишь в 2000-е гг. стало выбираться из аномического состояния. В социальной практике стали осуществляться такие демократические принципы, как ответственность, толерантность, социальное партнерство, гражданская инициативность. Наши региональные исследования по программе «Кузбасс-политика» (1992, 1994, 1996, 1998, 2000, 2010 гг.) убеждали, что агрессивность как принцип политического и социокультурного взаимодействия постепенно локализовалась. В открытом социальном пространстве она осуществляется спорадически, вспышками. Основная масса респондентов отдает предпочтение средствам убеждения, договоренностям, поиску согласования, точек соприкосновения интересов. Но принципы консенсуса и терпимости (толерантности) не стали доминирующими. Готовность к протестным действиям сохраняется в социокультурной памяти нескольких поколений и подогревается внешними воздействиями и демонстративным поведением локализованных мини-сообществ.

Прав был социолог А.А. Богданов, провозвестник и организатор Пролеткульта, что движение вперед определяется возможностями наименьшего, т. е. социального обоза. Сейчас в роли такого обоза выступает культура повседневной жизни и формы взаимодействий с другими в локальных сообществах. Задача – очеловечить отношения с людьми из этого замкнутого «странного мира», выбивающегося из магистральной линии или спирали социального развития, помочь людям выжить и сохранить хотя бы минимальные связи с «большим обществом».

Наступила такая пора жизни, когда мы пожинаем плоды вторжения науки, техники, технологии, интеллектуальных уси-

лий людей во взаимодействие человека с природой, в производство благ и услуг. Коммуникабельность населения приобрела глобальный размах. Локализация любых структур, отношений и связей не может означать полного изъятия человека из общих процессов социального и политического развития. Социокультурные сдвиги с разной интенсивностью, масштабом и ритмичностью сопровождают глобальный, социетальный и локальный ход жизни. Общество заново выстраивает ценностные приоритеты из разрушенной в 1990-е годы нормативно-ценностной системы. Указами сверху обновленные приоритеты и предпочтения не внедряются. Новые нормы и ценности должны пройти проверку практикой, органично соединиться с прошлым и «позапрошлым» социокультурным опытом, войти в плоть и кровь народной жизни.

Трудно согласиться, что раннелиберальные рыночники, ради выживания себя и семей заполонившие поезда и рынки-базары, стали олицетворять собой перспективу магистральной линии развития России. Главную роль сыграло овладение онаученным рыночным механизмом, становление рыночных структур, возрождение профессиональной культуры как отрасли хозяйства, заметное противодействие социокультурной примитивизации норм и ценностей.

Для изучения взятой нами темы в аспекте культуроцентричности полезными являются два тезиса Н.И. Лапина:

- Признание им асимметричности баланса культур, отражающих либерально-европейский вариант культуры ее традиционализацию (по восточноазиатскому варианту). Не будем касаться политических утверждений автора, отождествляю-

шего социальную адаптацию с политическими ориентациями, режимом — способом осуществления власти, а социокультурные слои — с полнокровными социальными стратами, социализм — с «этатистско-традиционалистской стратегией», с «идеологизированно-антагонистическими стратегиями недоверия и конфронтации»⁸. Такая фразеология была вполне совместима с контекстом общественной жизни 1990-х — начала «нулевых» годов XXI века.

• На основе масштабных эмпирических исследований автор стремился презентовать свою веру в заслуги либерализации, в несокрушимость дифференциации и «динамичной асимметрии российского социума». Мыслилось, что новое общество появится с помощью конвергентного механизма развития⁹. Выход автору видится в воспитании гражданской ответственности политических и экономических элит, которые трактуются как социетально-ресурсные участники, обладающие компетентностью, наряду с их приверженностью к тем или иным социокультурным ориентирам. Такие участники трансформационных процессов, по мнению автора, способны усилить давление на граждански безответственных, криминогенных участников, «принудить их к соблюдению социокультурных, нравственных правил, значимых для россиян стратегических ориентиров».

Н.И. Лапин исходит из того, что изучение социокультурных объектов имеет двойное аксиологическое обрамление: ценност-

ная мотивация сопровождает выбор предмета и объекта исследования, обоснование актуальности темы и проблемы (а); ценностную окраску имеет интерпретация результатов (б). Он предлагает не противопоставлять ценности и знания, а учиться «корректно сопоставлять и согласовывать их между собою».

Исследования 1990-х годов, проведенные в Институте философии РАН под научным руководством В.А. Ядова, Н.И. Лапина, показали, что терминальные ценности являются более устойчивыми в сознании и поведении россиян, чем инструментальные ценности¹⁰. Свобода, не оснащенная мерой ответственности, фактически стала декларативной ширмой для ультралиберальных политических и экономических сдвигов. Эти сдвиги порождали далекую от социально значимых требований социокультурную практику, которая, в свою очередь, подкреплялась адекватными изменениями в массовом сознании, причем в сторону нигилизма, экстремизма, религиозного фундаментализма, худших форм национализма.

Не можем согласиться, что в эти годы сохранялась вся система базовых ценностей. Стыдливо стали обходить такие ценности, как гуманизм (человеколюбие), патриотизм, гражданственность, справедливость, ответственность. Инструментальными стали не только инициативность, власть, независимость, но сам человек. Достижению 1970-1980-х годов — человеческому фактору — была отведена инструментальная роль в повседневной жизни. Вседозволенность стала нормой жизни части общества, но пугала своей жестокостью

⁸ Лапин Н. И. Инверсия доминантных процессов социокультурной трансформации и ее акторы // Кто и куда стремится вести Россию: сб.; под ред. Т. И. Заславской. — М.: Высшая школа социальных и экон. наук, 2001. — С. 107–115.

⁹ Лапин Н. И. Инверсия доминантных процессов социокультурной трансформации и ее акторы. ... — Там же, с. 114.

¹⁰ Лапин Н.И. Ценности и знания. Мониторинг. Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru/1/library?e=d-000-00---0magaz--00-0-0-prompt-10---4-----0-...>

Т а б л и ц а

Черты социального облика инициативного работника

(анкетный опрос «Мнение жителей Кузбасса», г. Кемерово, Новокузнецк, Белово, Ленинск-Кузнецкий, Юрга, Березовский, май–июль 2009 г., 1005 чел. – 100 %)*

Приоритетные черты инициативного работника	Число ответивших респондентов	
	абс.	%
Не боится ответственности	430	42,79
Доводит начатое до конца	418	41,59
Находит лучшие способы достижения цели	413	41,09
Не ждет указаний сверху	362	36,02
Энергичен	356	35,42
Подает новые идеи	346	34,43
Лично работоспособен	340	33,83
Умеет творчески осуществлять идею	316	31,44
Итого	1005	100,00

* В числе ответов не ограничивали. В перечне всего было 18 черт, характеризующих инициативность.

и непредсказуемостью 95 % населения. В этом Н.И. Лапин прав.

Наш мониторинг «Кузбасс-политика» и другие прикладные исследования показывали, что в обществе зреют обновленные представления о приемлемых условиях сосуществования и взаимодействия с другими, о типе лидера, уровне безопасности, о допустимом ограничении свобод во имя установления социального порядка и правопорядка, о необходимости местной инициативы. Например, представления об инициативном человеке укладывались в несколько доминирующих личностных качеств такого человека (см. таблицу).

Судя по опросам горожан, инициативность проявляется как синтез креативности, целеустремленности, новаторского стиля и жизненной энергии.

Смысл тезиса Н.И. Лапина о патологическом социокультурном кризисе мы видим в следующем: обострилось до антагонизма противоречие между культурой и социальными отношениями, политическая

дезинтеграция общества расколола социокультурные основания повседневной жизни, культурные универсалии перестали служить цементирующим началом социальной практики¹¹.

Сравнительный анализ концептуального оснащения социокультурного и институционального подходов, проведенный С.Г. Кирдиной (Новосибирск, 2001–2002), убеждает, что каждый подход не является безупречным, имеет не только преимущества, но и ограничения. Опираясь на публикации Н.И. Лапина и А.С. Ахиезера, С.Г. Кирдиной выделяем такие особенности социокультурного подхода, как универсализм, многомерность, человекоцентризм,

¹¹ Лапин Н.И. Кризис отчуждения бытия и проблема социокультурной реформации. Режим доступа: <http://filosbank.narod.ru/Fails/Knigi/Htm/Lapin/htm> См. также: Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях [Н.И. Лапин и др.] / общ. ред. Л.А. Беляевой, Н.И. Лапина. М.: ИФ РАН, 1994. – 243 с.; Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. – 2000. – Т. IX. – № 3. – С. 3–47.

поиск антропосоциетального соответствия. Ключевыми словами, помимо слова «культура», для А.С. Ахиезера являются «раскол» (сознания, целостности общества), «расколотое общество», «медиация», «локализм», «локальный мир», а для Н.И. Лапина – «кризисный социум», «социокультурная трансформация». Оба оперируют к доминированию традиционалистских ценностей, блокирующих либеральный путь развития российского общества. С.Г. Кирдина «ловит» социокультурный подход на декларировании ценностей как двигателя развития общества, авторы в то же время подчеркивают непродуктивность традиционизма и традиционистских ценностей, их закрытость, т. е. демонстрируют слабую регулятивную и социализирующую роль ценностей общества. Это закрывает путь инновациям, обновлению данного типа общества¹².

Мы отмечаем, что А.С. Ахиезер последовательно и интересно реализует социолого-культурологический подход. Он использует стержневые идеи: об отличии системы культуры, имеющей всепроникающий характер, не ограниченной верхними пределами разнообразия, от системы социальных отношений; об оппозиции пары «инверсия – медиация», об инверсионных циклах; о взаимовлиянии «большого общества» и локальных сообществ; о созидательном и разрушительном потен-

циале инноваций» о нравственных идеалах разного типа. Система культуры и социальная система связаны друг с другом межсистемным социокультурным противоречием, начинающимся от конструктивной напряженности и достигающим порою конфликтных форм (С.Я. Матвеева).

Некоторые позиции вызывают возражения, кажутся слишком открытыми, без малейшего налета социологической нейтральности. Несмотря на расхождения с А.С. Ахиезером в характеристике локального мира и локализма, мы утверждаем, что у него проблема локализма органично встроена в культурологическую концепцию.

Размышляя над спецификой проблем локализма и культуроцентричности в условиях транзитивного общества, мы выдвигаем несколько познавательных идей, имеющих отношение к методологическому оснащению социологического анализа:

1. «Социодинамика культур» – не тождественное понятие «динамике социальной культуры».

2. Следует различать и соотносить как оппозицию локальное и социетальное, а не глобальное, формально ограниченное национально-государственными интересами, титульной культурой, правовыми рамками и т. д.

3. Не отождествлять общество как социальную систему с социокультурной подсистемой, пусть даже обладающей определенной целостностью, универсализацией регуляторов и стимулов развития и являющейся «скрепой» общественной жизни.

4. Не сводить культуроцентризм к социокультурному подходу. Незанятой нишей на сегодня является теоретико-методологическое разграничение культуроцентризма и социокультурного подхода.

¹² Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России. Режим доступа: F:\Kirdina_ru. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России. htm; См. также: Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социс. 2002. № 12. С. 23–33; Кирдина С.Г. Об институциональных матрицах: макросоциологическая объяснительная гипотеза // Социс. 2001. – № 2. – С. 13–23.

5. Различать разнообразие в развитии локальных культур и локализацию социально различимых форм общественной жизни. Нужен поиск оптимума между разнообразием и унификацией инновационных процессов, локализацией и глобализацией изменений, ускорением и замедлением темпов в социокультурной динамике и пр.

6. Размещение локальных форм обустройства жизни в социальном пространстве имеет, чаще всего, точечную или кластерную конфигурацию, отделенные и отдаленные от основного расположения массивов «большого общества». Локальное в сознании людей из одного общества фиксируется как «второй план» жизни, сопряженный с общими институционально существующими правилами взаимодействий с другими на национально-государственной территории. Доминирование локального возможно лишь непосредственно в локализованном социальном пространстве. При значительном расхождении нормативной жизни всего общества и локализованного мини-сообщества людям приходится жить двойной жизнью, уводя в тень пристрастия, предпочтения, привычки повседневных практик.

7. Следует видеть противоречивость процессов локализации. Они создают разнообразие, позволяют субъектам взаимодействий иметь выбор, т. е. отойти от дихотомического принципа «либо-либо», но в то же время локальные процессы нацелены на воспроизводство замкнутого образа и стиля жизни, от имени этих маргинальных локальных сообществ начинают выступать «ходоки», лоббисты, посредники из «большого общества», под флагом инноваций и защиты прав человека обществу демонстрируются экстравагантные, социально не одобряемые формы сосуществования. Ло-

кальные формы существуют во фрагментах жизни, но и сама локализация способна рассекать целостность, порождать фрагментацию.

8. Социологическая модель локализма, доступного операционализации, может быть выстроена при реализации идей, предложенных нами читателям.

Гипотетически эта модель состоит из нескольких взаимосвязанных элементов:

- целенаправленного описания конструкта «локализм», олицетворяющего собой сконцентрированный продукт познавательной деятельности; основанием служит адаптивная и ценностно ориентированная парадигма;
- онтологического содержания данного продукта, представляющего сквозное социокультурное качество изученных объектов и взаимодействий социальной реальности;
- микродифференциации онтологического содержания, соотнесенного с реальными процессами локализации;
- определения степени выраженности отличительных признаков локальности, в перечень которых включаются:
 - пространственная очерченность бытия локального;
 - аскриптивная (кровнородственная) укорененность в сфере влияния институтов;
 - ценностно-нормативная устойчивость с тенденцией к упрощению актуальных возможностей локализованных норм и ценностей;
 - традиционная закрытость или дозированная открытость;
 - тяга локализуемых форм сосуществования людей к автономизации, фрагментарности;
 - замедленные темпы повседневного течения жизни и замедленная рефлексия на воздействия «со стороны»;

- ограниченный внешний информационный обмен;
- резкое нарушение баланса адаптации-дезадаптации при инновационных вторжениях;
- опора на социокультурные регуляторы поддержания социального порядка;
- гибридных форм развития, объединяющего в себе соответствующие конфигурации изменений (линейность, волнообразие, «разветвленность», спиралевидность), характерные для переходного общества.

Литература

- Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) / А.С. Ахиезер. – Т. 1. От прошлого к будущему. – 2-е изд. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.
- Ахиезер А.С.* Россия как большое общество / А.С. Ахиезер // Вопросы философии. – 1993. – № 1. – С. 3–19.
- Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). / А.С. Ахиезер. – Т. II. Теория и методология. Словарь. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 600 с.
- Ахиезер А.С.* Архаизация как категория общественных наук / А.С. Ахиезер // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 2001. – Т. 4. – № 1. – С. 89–160.
- Бирюков С.В.* Регионализм в современной России: проблемы и перспективы: монография / С.В. Бирюков. – М.: ООО «Тейс», 2011. – 135 с.
- Григорьев С.И.* Социальная культура: поиск новых концептуальных оснований анализа и путей развития в России / С.И. Григорьев. – Барнаул, 1998. – С. 27–41, 135–147.
- Девятко И.Ф.* От теории социальной эволюции к анализу глобального общества; альтернативные интерпретации и перспективы синтеза / И.Ф. Девятко // Россия реформирующаяся / отв. ред. М.К. Горшков. – Вып. 6. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – С. 82–110.
- Джерелиевская И.К.* Личностные основания социального порядка: аксиологический аспект / И.К. Джерелиевская. – М.: Моск. гос. открытый ун-т, 2009. – 219 с.
- Дискин П.* Российская модель социальной трансформации / И. Дискин // Pro et contra. – М., 1999. – Т. 3. – № 4. – С. 5–40.
- Дмитриева А.М.* Современное российское общество: Динамика ценностных ориентаций / А.М. Дмитриева, Е.Ю. Суворова. – М.: Наука, 2005. – 209 с.
- Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: деятельность-структурная концепция: монография / Т.И. Заславская. – М.: Дело, 2002. – 568 с.
- Здравомыслов А.Г.* К вопросу о культуре социологического мышления / А.Г. Здравомыслов // Социс. – 2008. – № 5. – С. 4–15.
- Ионин А.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие / А.Г. Ионин. – М.: Издат. корпорация «Логос», 2000. – 432 с.
- Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. – 2-е изд., перераб. и доп. / С.Г. Кирдина. – Новосибирск: СО РАН, 2001. – 213 с.
- Красиков В.И.* Синдром существования / В.И. Красиков. – Томск, 2002. – 256 с.
- Куркин В.* Социальная память и ее возраст (опыт анализа социокультурной дифференциации) / В. Куркин // Социодинамика культуры. – Вып. 2. Социокультурная дифференциация. – Кн. 2. – М., 1993. – С. 167–192.
- Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2003. – 408 с.
- Лапин Н.И.* Пути России: социокультурные трансформации / Н.И. Лапин. – М.: ИФ РАН, 2000. – 288 с.
- Лапин Н.И.* О многом и едином в российской трансформации / Н.И. Лапин // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 28–32.
- Лапин Н.И.* Власть, вседозволенность и свобода в ценностном пространстве россиян / Н. И. Лапин // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / под общ. ред. Т. И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2000. – С. 107–115.

- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв / Ю.М. Лотман – М.: Прогресс, 1992. – 272 с.
- Луман Н.* Самоописания / пер. с нем.; Н. Луман. – М.: Логос, ИТДГК «Гнозис», 2009. – 320 с.
- Мокиевский П.В.* Ценность жизни / П.В. Мокиевский. – СПб.: Изд. журн. «Русское богатство», 1884. – 258 с.
- Моль А.* Социодинамика культуры. – 2-е изд.; пер. с фр. / А. Моль. – М., 2005. – 416 с.
- Россия: трансформирующееся общество: коллективная монография / под ред. В.А. Ядова. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2001. – 640 с.
- Сорокин П.А.* Социокультурная динамика и эволюционизм: статьи / П.А. Сорокин. – // Американская социологическая мысль. – М., 1996. – С. 372–392.
- Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика: пер. с англ. / П.А. Сорокин. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
- Татарова Г.Г.* Основы типологического анализа в социологических исследованиях / Г.Г. Татарова: учеб. пособие. – М.: Издат. Дом «Высшее образование и Наука», 2007. – 235 с.
- Тихонова Н.Е.* Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа) / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность=ОНС. – 2008. – № 2. – С. 5–20; оконч.: ОНС. – 2008. – № 3. – С. 5–23.
- Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек / Ж.Т. Тощенко. – М.: Гардарики, 2001. – 398 с.
- Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций / В.А. Ядов. – СПб.: Интерсоцис, 2006. – 108 с.